

Анастасия Волкова

Родилась в 1996 году в городе Ревда Свердловской области. Окончила Екатеринбургский государственный театральный институт (специальность «Литературное творчество»).

Стихи публиковались в журналах «Урал», «Плавучий мост», в альманахе «Балкон». Как прозаик дебютировала в журнале «Традиции & Авангард». Лауреат премии им. А. Верникова «За молодую зрелость».

Живет в Екатеринбурге.

Медузы

рассказ

Волны целовали ноги, а потом, словно заигрывая, убежали обратно. Затем снова бросались в ноги, как все кругом должны это делать, но никогда не сделают.

Вася стояла и тупо пялилась в благостную синь горизонта. Чудесное голубое небо сливалось с морской бирюзой и должно было выглядеть как на картинке в интернете. Но почему-то ощущалось еще более далеким, чем любая на свете фотография.

Может, потому, что картинка статична, стабильна и вся принадлежит тебе, когда на нее смотришь?

Или из-за раздирающей мозг дереализации? Вася в принципе тяжело переносит реальность. Все прекрасное, что она видит, оставляет обычно тоску, словно от красоты она сумела ухватить процентов десять, а все остальное осталось в темной депрессивной пленке сознания, которую она никак не могла разодрать.

В последнее время совсем тяжело. Приходится изображать эмоции даже для себя самой.

Раньше Вася ходила на медитации. Их вела Васина до ужаса вдохновленная просветлением знакомая по имени Саша. В школе Саша казалась милой и приятной, но чем дольше Вася ходила на ее занятия, тем сильнее понимала, что Саша и не человек вовсе. Она разговаривала как нейросеть и ходила по залу с безумной улыбкой.

Больше всего в мире Саша любила не Будду или спокойствие, а себя и деньги.

Саше, видимо, казалось, что она тщательно это скрывает, но однажды во время листания ленты Вася сама

просветилась и поняла, что за человек учит ее духовному развитию. Сразу стало хуже.

Быть подростком вообще полное уродство. Ее парень ей всегда это говорил. Он старше на восемь лет. Вася познакомилась с ним, когда ей было пятнадцать. Его зовут Игорь, и примерно год они просто дружили.

Когда ей исполнилось шестнадцать, он предложил ей встречаться. Васе было это приятно, хоть она и чувствовала себя обманутой. Как будто она искренне дружила, а ее предали.

Он говорил, что это ужасное подростковое состояние пройдет, и это немного обнадеживало, хотя поверить было трудно.

Глядя на Игоря, на своих родителей и на других более взрослых людей, Вася понимала, что станет по-другому. Может, и не хорошо, но не так невыносимо.

Теперь Игорь сидит в Казахстане.

Вообще, Вася с трудом понимала, зачем с ним встречается. Чем старше она становилась, тем сильнее проваливалась в равнодушие ко всему вокруг. Она стояла на берегу моря и думала о том, зачем она позволила этому взрослому мужику быть с ней, трогать ее, раздирать ее еще не сформировавшуюся душу своими ручищами.

Саша сказала: «Ты себя не ценишь, детка».

Да, она так и говорила – «детка», и Вася каждый раз думала, что сейчас вокруг раздастся тупое хихиканье из ситкомов и она обнаружит, что все это время жила как в фильме «Шоу Трумана». Но Саша действительно так разговаривала: «Мужчина должен быть перспективным и надежным. Не обижайся, но твой Игорь бросит тебя через пару лет. Такие не взрослеют и не понимают ценности женской энергии».

Саша встречалась со взрослым мужиком, который дико молодился и выглядел как Сашин младший брат.

Про женскую энергию Вася так ни фига и не поняла, как ни пыталась. «Ее просто не существует», – говорил ей внутренний голос. Но Саша твердила: «Вот тебе никто комплименты не делает. Никто не подходит знакомиться. Это потому что ты забитая, твоя женская энергия чахнет и увядает. По-моему, это прискорбно. Ты ведь уже взрослая женщина!»

Вася знала, что она симпатичная девочка. Она видела взгляды мужчин, но от них почему-то не становилось лучше. Становилось ужасно. Хотелось сорвать с себя кожу, чтобы они не смотрели на нее. Хотелось орать: «Я – человек! Я – человек! Вы, уроды!»

Мужчины, наверное, это чувствовали, потому никогда и не подходили.

Она сказала об этом Игорю.

«Ты для своего возраста слишком умничаешь», – сказал Игорь.

Он ее себе завел не для того, чтобы она свои ценные мысли выдавала. А чтобы им восхищалась. Хлопала, как дура, в ладоши, пока он бренькает на балалайке.

– Чего ты тогда с ним встречаешься? – сказала себе вслух Вася, разглядывая толстых чаек, кружащих над волнами. – Он тебе слова не дает сказать, он тебе собой быть не дает. Чего ты его к чертовой матери не пошлешь?

Наверное, потому, что он ее отвлекал от тиканья в голове. Которое теперь заполонило вообще все.

Она на острове, и никто в мире не может ее отвлечь от этого беззвучного «тик-так, тик-так», и даже заплакать невозможно, потому что внутри все оцепенело.

Жаловаться было грешно. И вообще существовать теперь было грешно. Она стоит тут, на белом мягком песке, а где-то происходит настоящий ад.

Сначала думала только об этом, теперь об этом думать было невозможно, невыносимо.

Чайки бухались в воду и выныривали, и казалось, что это вечный природный механизм.

День шел к вечеру, медленно и лениво, как и вся жизнь на острове.

Людей было мало, в основном местные. Были и русскоговорящие, но все взрослые, родители зависали с ними.

У Васиного дяди, к которому они приехали, было четверо детей, все младше Васи, и все они говорили на здешнем диалекте.

Васин дядя Артём уехал из России на Тиилат-Та уже давно. Они с папой были очень разные. Зато очень хорошо ладили. Может, если вы настолько разные, то не в чем конкурировать?

Вася проводила дни, просто блуждая по берегу, собирая ракушки, валяясь на пляже.

Местные на пляж не ходили, слава богу. Вася их побаивалась, хоть Артём и сказал, что они дружелюбные.

Они все смотрели на Васю как мужики в маршрутках, и ее от этого тошнило.

Со взрослыми тоже не хотелось оставаться, они все время обсуждали то, что происходит далеко-далеко, в их родных странах, а Вася уже физически не могла этого вытерпеть. Когда они говорили об этом за ужином, она под столом царапала себе руки и ляжки до крови. Мама как-то раз увидела, пришлось врать, что поцарапалась об кусты.

Ей было стыдно писать своим друзьям. Они все остались в России.

Ее лучшая подруга Аня написала ей: «Хорошо, что ты уехала. Но мы решили, что уезжать не будем. Мы тут нужнее».

От этого «мы тут нужнее» хотелось запустить телефоном об стену.

Но что могла поделывать Вася? Она еще несовершеннолетняя. Все ее друзья были взрослыми и жили отдельно.

Вася еще так мало знает о мире, а мир требует. Мир требует Васину душу, чтобы ее судить.

Она шла по пляжу. Иногда швыряла медуз, которых выбросило на берег, обратно в воду.

Медузы эти были самые простые, прозрачные и без щупалец. Значит, их можно трогать, не ужалят.

Вася точно такая же, как эти медузы, – ее просто несет волнами черт знает куда. Только у медуз нет разума, они не понимают. Просто живут.

Вот бы не иметь разума!

Она недавно писала про это Игорю. Игорь ответил ей, что это все «подростковые цинические мысли». Они не стоят и гроша.

Вася написала ему: «Тогда найди себе партнера своего возраста, дебил».

После этого она его везде заблокировала.

Он пытался связаться с ней через друзей. Она уже две недели не брала в руки телефон.

Когда Игорь оказался совсем далеко, словно в другой жизни, получилось, что слушать «тик-таканье» вполне выносимо.

За этот месяц Вася еще ни разу не огибала мыс. Пляж уходил куда-то вбок. Почему бы не прогуляться?

И она пошла.

По кромке океана. Иногда падала в воду, прямо в платье, выныривала и шла дальше. Ей нравилось, как океан пахнет. А волосы потом становились немного пушистыми от морской воды.

Она шла и шла, а небо все наливалось розовым цветом.

За поворотом снова открылся пляж, уходящий в глубь острова. Недалеко от пляжа росла стена дикого тропического леса.

Вася подумала, что пора идти домой, а потом заметила, что кто-то сидит в тени. Вася колебалась.

Можно подойти. Но зачем?

Просто узнать, что человек делает там один. Сравнить свое одиночество и его.

Уловить хоть какое-то впечатление, кроме скомканного ужаса от непоправимых событий.

Она шла по пляжу и видела человека на берегу все четче. Это был мужчина. Похоже, он играл на чем-то. Чем ближе она подходила, тем отчетливее слышались в перепадах морской музыки легкие гитарные мелодии.

Вот они поравнялись. Она стояла по колено в воде, стараясь не пялиться на человека откровенно. Он сидел чуть поодаль, ближе к лесу, на полотенце, склонившись над маленькой гитарой. Он ни разу не поднял головы и не посмотрел на нее. Какое-то время ничего не происходило.

Тогда Вася решила посмотреть на человека сама.

Какое-то резкое узнавание полоснуло по сердцу, и у Васи в душе зашипело, словно открытую грудную клетку полили перекисью водорода.

«Не преувеличивай», – говорила на ее метафоры мама.

Вообще, с того момента, как Вася перестала быть милым ребеночком с отсутствующей волей и превратилась в длинного серого подростка с торчащими тут и там костями, интерес родителей к ее персоне поубавился. Они были хорошие родители, приятные, умные. Но вот ее младшие брат и сестра теперь занимали их гораздо сильнее. А еще бизнес. Васю они слушали через силу, напрягаясь. Иногда говорили, что она «занудничает». Вася быстро это уловила и перестала пытаться разговаривать. Она просто делала все хорошо, кивала головой, изображала легкие эмоции.

Про Игоря они особо не знали. Думали, что он ее друг. Ее это даже раздражало. Другие родители, которых по-

казывали в подростковом кино, ругались со своими детьми. Контролировали их. Не то чтобы Вася хотела этого, но они могли хотя бы попытаться уберечь ее. Может быть, она бы тогда не легла в постель ко взрослому мужику.

А может, и легла бы. Как теперь узнать?

Им было словно все равно, и Васе иногда хотелось, чтобы ее ругали. Но она была слишком слабой, чтобы вызывать их на это. Потому от нее просто отмахивались.

Ужасно думать такое. У нее полная семья, богатый отец-бизнесмен, любящая мама, которая успевает и помогать отцу с бизнесом, и вкладывать ресурсы в детей, благостная атмосфера в семье. Она выросла умной, воспитанной. Родители с ней общаются как со взрослой, уважают ее границы.

Только зачем это все? При данных обстоятельствах вся ее жизнь обесценилась и не становилась дороже даже на далеко-далеком острове посреди океана, посреди одиночества и собственной ничтожности.

Но глядя на рыжего огромного мужика с маленькой гавайской гитарой, Вася забыла обо всем. Бешеный ужас и ликование обрушились на нее вместе с узнаванием. Она закрыла рот руками и смотрела на него. Может, ошиблась?

Мокрые колечки рыжих кудрей слегка качались в такт музыке. Она не ошиблась.

Это был музыкант и певец Степан Ходаев.

Что за безумие? Как?

Вася отвернулась и посмотрела на горизонт. Шок разливался по голове и трещал там салютами. Как это возможно? Может быть, она сошла с ума и ей кажется?

Нет.

Она уже один раз видела его вживую. На концерте его группы. Он пел со сцены, и Вася потрогала его синий кеду

рукой. А после концерта он подписал ей диск с альбомом. У Васи дома не было проигрывателя, и диск стоял на полке, на самом видном месте.

Вася любила музыку. И много музыкальных групп любила. И Стёпину группу любила.

А теперь он сидит перед нею на долбаном острове, на который ее семья сбежала от войны.

Ей захотелось засмеяться, но она сдержалась. Что теперь делать?

Она осторожно взглянула на него. Старалась не лыбиться во весь рот. В принципе, вся Васина жизнь научала ее тускло выражать эмоции, так что в этом ей не было равных.

Поплакать всегда можно было по пути из школы домой на пустой улице. Или в ванной под душем – тихонько, чтобы никто не услышал. Или когда никого нет дома. Или сдавленно ночью в подушку.

Ходаев перестал играть. Он смотрел на нее. Вася закрыла лицо волосами. По телу бегали электрические импульсы. Она сделала вид, что отковыривает ногой большую ракушку со дна.

– Привет, – сказал Степан Ходаев.

Вася повернула к нему лицо.

Он глядел на нее и улыбался, как на постере, который Вася сама распечатала и повесила над кроватью в московской квартире, которая теперь стояла пустая, словно разграбленная гробница.

Хорошо, что хоть животных домашних у них нет.

Васин младший брат все время канючил, хотел, чтобы они завели кошку, но у матери была аллергия на шерсть. И у них дома не было животных. Так что, когда они уезжали, мучиться этим вопросом не приходилось. Иногда Васе казалось, что Бог их семью не ненавидит. Почему-то. Неисповедимы пути Господни.

Васины предки по отцу были священнослужителями. Отец, видимо, чувствовал по этому поводу досаду, что он как раз занимался делом совсем не божеским. Но из-за стыда перед своим родом, видимо, хотел хотя бы не создавать зла. Вася не знала, хорошо ли ему это удастся.

Сама Вася чувствовала в себе одухотворение. Читала старую прадедушкину Библию и пыталась понять хоть что-нибудь. Смотреть на море – все равно что читать Библию. Но в последнее время вся эта сила от Васи ускользала.

Сейчас ускользнула совсем. Как такое возможно, что один из тех людей, песни которого она слушала ночью и от голоса которого призрачные, почти блаженные слезы стекали по ушам в подушку, сидел сейчас перед ней?

Как будто Бог все-таки решил вернуть ей почву под ногами. Или окончательно ее выбить.

– Здравствуй, – сказала Вася и даже не услышала, как она это сказала.

– Ты из России?

– Да...

– Сразу понял. Круто. А то я уже почти выучил здешний диалект. Так можно и собственный язык забыть.

Он грустно посмотрел на море, а потом снова на Васю. Обычно на фотографиях он в черных очках и его глаз не видно.

– Играешь на укулеле? – спросила Вася хриплым гулким голосом. Как глупо и жалко – она же сама видит, что играет. Но неловкость тут же растворилась в миллионе других ощущений.

– Да... так. Пытаюсь развлечься. И отвлечься.

Вася кивнула. У него был очень красивый голос. Он разговаривал так же, как пел, и Вася чуть не заплакала. Что делать? Как себя вести?

– Как тебя зовут?

- Василиса.
- Ого! Ничего себе.
- У меня еще есть сестра Марго и брат Ярослав.
- Не самое страшное. У меня есть подруга, которую зовут Миловласа.

Вася знала, что это за подруга. Это главный менеджер их группы. Группа называлась «Ночесветка», и Васе всегда казалось, что это как «кругосветка», только когда путешествуешь ночью. Степан Ходаев все время словно хотел оставаться в тени. Ему было важно только делать, делать, делать музыку. Остальные музыканты называли его культовой фигурой, мечтали с ним работать, а он мечтал только создавать и оставаться в ночи. Светить в ночи.

- А вас... тебя как зовут?
- Стёпа.

Он протянул Васе загорелую руку. Она вышла из воды и подошла к нему.

– Интересно, – сказала Вася, пожав теплую ладонь и получив еще электрических зарядов.

– Что?

– Обычно... у рыжеволосых людей проблема с загаром. Ну, кожа слазит.

– Просто я не горю в огне.

Он задумался на мгновение, а потом хихикнул:

– Я звучу как пафосные мужики в криминальных фильмах.

– Это точно, или как в пабликах с волками, – сказала Вася. Электричество дошло до каждой клеточки мозга, и Вася почувствовала себя пьяной и одуревшей от эйфории.

– Точно, точно, – сказал Степа. – Разучился разговаривать.

– Ты тут давно? – Вася все хотела закричать, запищать и рассказать Стёпе, что она его фанатка, что она

так сильно любит его песни, что готова под них умереть и что у нее голова сейчас взорвется оттого, что он тут сидит перед ней в купальных найковских плавках и хихикает, как ребенок. Но почему-то не смогла. Она боялась на него глаза поднять и не могла перестать лыбиться как идиотка.

– Да. Уже полгода.

– Ого. Мы приехали месяц назад.

– Потому я тебя не видел.

– Да. Еще и потому, что мы живем в другой части острова.

– Видимо, да. Тебе сколько лет?

– Семнадцать.

– Я думал, меньше.

Вася немного огорчилась.

– Когда ты шла вдалеке. А потом, когда подошла ближе, думал, лет двадцать. Вот так подростки и видятся непонятно – вроде ребенок, а вроде и взрослый. Ты сейчас как раз между ребенком и взрослым. Как бабочка в футляре. Жуткое время.

– А тебе сколько?

Вася знала.

– Тридцать четыре скоро исполнится. Кошмар просто. Когда мне было столько лет, сколько тебе, мне все тридцатилетние казались стариками. А теперь смотрю на друзей своих – нет, молодые и красивые.

– Мне ты не кажешься стариком.

– Спасибо, что щадишь мои чувства, Вася.

Степан Ходаев сидел на песке, улыбался правым уголком губ и называл ее «Вася». Ей так хотелось рассказать об этом всем на свете, написать Ане, Саше и всем остальным. Ей даже захотелось помириться с Игорем и рассказать ему тоже – это Игорь ей впервые включил в наушнике «Ночесветку», песня называлась «Колодец»,

и Вася слушала жадно, и, когда Игорь пытался что-то сказать сквозь музыку, она шипела на него: «Замолчи, Игорь, я хочу выслушать всю эту песню, со всеми звуками, до конца». Игорь бурчал недовольно, а Вася влюбилась в песню, ждала, когда Игорь отпустит ее домой, потом ждала, когда ее выпустят из семейного плена, чтобы наконец-то лечь на кровать и слушать пятнадцать раз песню «Колодец», чтобы слушать Стёпин голос и жить эти мгновения счастливо.

– Хочешь, споем что-нибудь?

– Ой, я не умею.

Непонятно, зачем соврала. Она ходила на занятия. Родителям это нравилось, просили петь перед гостями. Но она училась не для этого.

Игорь обещал, что, когда она будет петь «достаточно хорошо», они соберут группу. Петь она стала «нормально», но что-то ему все время мешало.

– Да ничего страшного, я тоже не умею.

Вася впервые долго посмотрела Стёпе в лицо. Врун.

У него возле глаз морщинки, а глаза как у лисички. По цвету темно-карие. Электричество.

Он отвел взгляд и начал играть на маленькой гитаре песню группы «Кино» «Не любовь». Потом остановился и спросил:

– Ты, наверное, ее уже не знаешь?

– Нет, знаю. Мама включала.

Он стал петь, она села на полотенце рядом с ним и слушала, отвернувшись к морю. Чтобы он не видел, что она сейчас заплачет или закричит от счастья.

Через какое-то время стала тихо подпевать.

– Ну вот, а говоришь, что не умеешь.

Они сидели долго, почти до ночи. Иногда он пел песни, которые Вася не знала, когда пел знакомые, тихонько подпевала, и Стёпа радовался этому. Казалось, песни

у него не заканчиваются. Своих он не исполнил, и Вася никак не могла сказать ему о том, что его узнала, а потом ей стало все равно, ей хотелось, чтобы это не заканчивалось, чтобы только звучал Стёпин голос, легкие гитарные аккорды и волны. Вообще на все было наплевать, безграничное счастье заполнило Васю, и она просто ощущала его. Все стало четким и реальным, но в то же время Вася не пыталась это ухватить. Все текло и текло и было прекрасно.

Потом Вася спохватилась. Уже поздно.

Стёпа пошел провожать ее до домика.

Вася нырнула напоследок в воду, чтобы не ощущать липкости на коже.

Они шли по песку молча, но неловкости не было. Васе было даже смешно оттого, насколько все естественно. Она поглядывала на Стёпу, а он все время смотрел как будто за море, словно пытался там что-то разглядеть.

Васино платье было мокрым и облепляло ее тело, и у нее защекотало внизу живота так, словно она вдруг увидела эротическую сцену в кино. Только даже сильнее.

Раньше такого не случалось.

Она хотела, чтобы Стёпа посмотрел на нее, и сама стеснялась этого желания. Обычно ей ничего такого не хотелось. Но теперь она чувствовала себя практически голый в этом мокром, облепляющем тело платье, но Стёпа на нее не смотрел, а если и смотрел, то в лицо, в глаза, произнося что-то вроде: «Как-то раз я тут видел двух дельфинов. Совсем близко».

Когда они остановились рядом с домиком, Вася испугалась.

Это что, просто так закончится?

– Ну что же, Вася, спокойной ночи. Если хочешь, приходи завтра на то же место, часов в шесть. Я почти каждый день туда хожу... Отдыхаю.

Вася постаралась скрыть радость, насколько могла. Стёпа подставил ей кулак, и она стукнула по нему своим маленьким кулачком. Электричество.

В домике никого не было, они, видимо, сидели на другом пляже, жгли костер и пили пиво. Можно было, в принципе, и вообще всю ночь не возвращаться. Вася рассердилась.

Потом минут пятнадцать ходила по домику туда-сюда, испытывая миллион эмоций в секунду.

Что за чушь? Они только познакомились, а она уже мечтает, чтоб он на нее пялился. Он-то с ней не знаком много лет, не засыпал с ее голосом в своих ушах.

Да и вообще, что же это такое? Почему она ему не скажет, что знает о нем, о его группе, что он ей помогал жить все это время?

Непонятно. Как будто это все испортит. Как и разговоры про то, что творится в их странах.

Вася не знала, куда себя деть. Она садилась за стол, потом вставала. Потом ходила кругами, расчесывала мокрые волосы.

Он позвал ее снова. Это свидание?

Нет, вряд ли, он ведь даже не смотрел на нее. Что за безумие, Степан Ходаев с обложки альбома зовет Васю на свидание. Ему тут скучно, одиноко.

К Васиным щекам приливал жар. Она вспомнила, как трогала его руку.

– Ну чего ты ведешь себя как шаболда, Вася? – спрашивала она себя, хотя мозгом понимала, что мысль эта очень мизогинная. Нельзя никого называть шаболдами. И себя тоже.

Она вспомнила, что хотела написать всем про Стёпу, но внезапно передумала. Достала из холодильника сольсу и стала быстро есть прямо из большой салатницы.

Потом она слышала смех брата и сестры и бубнеж взрослых на улице. Сунула салат в маленький холодильник

ник и легла на кровать. Сделала вид, что спит. Сама не спала до глубокой ночи, слушая и бесконечно думая о том, как завтра пойдет к Стёпе.

К шести часам она шла по берегу (стараясь не бежать) в красивых золотистых босоножках. Она надела дорогое летящее платье платинового цвета, которое ей подарила на день рождения мама.

Платье это создал знаменитый московский дизайнер, его можно даже было увидеть на показе своей летней коллекции.

Васина мама очень любила моду и вещи, Вася же ничего в одежде не понимала. Старалась придерживаться нейтралитета, чем вызывала мамино неодобрение. Хотя стремилась не вызывать ничего.

Платье это было чуть более сложным, чем другие Васины вещи, но теперь Вася этого не чувствовала.

За день она вся извелась. Отвлекала себя разговорами и возней с братом и сестрой.

Мать даже удивилась: «Чего это ты такая говорливая? Обычно вся в себе».

Наверное, скажи она это в другой момент, непременно бы задела самое Васино сердечко. Но сегодня ей было наплевать, она тряслась от страха и желания скорее увидеть Стёпу.

Она тихонько пела себе под нос, чтобы распеться и красиво звучать для Стёпы, когда он будет играть на маленькой гитаре.

Настроение летало туда-сюда. То ждать не было сил, казалось, она уже сойдет с ума, то становилось страшно.

Но все всегда наступает, и время следует за тобой безвозвратно. Или ты за ним, черт уж разберет.

Вася не философ. Вася – маленькая девочка.

Она подкрутила кончики волос плойкой, так что они теперь завивались возле лица.

Отец ей как-то сказал, что нее волосы как у старушки. По структуре. А по цвету – ничего.

Вася промолчала, но мысленно пожелала ему всего самого плохого. Потом пожалела, конечно, но самое плохое все равно произошло.

Вася от этих мыслей была уже далеко. Она приближалась к повороту, а на часах еще не было шести, но ноги уже не могли остановиться.

В душе все щипало.

А потом перестало.

На месте, где вчера на полотенце сидел Стёпа, сейчас тусовалась большая группа людей. Вася словно захлебнулась ветром, остановилась и смотрела.

Он ее обманул?.. Но зачем?

Мысли вертелись в голове одна хуже другой, но ни одну невозможно было ухватить. В какой-то момент все они попытались вырваться слезами из глаз, но Вася смогла себя сдержать.

Потом она пригляделась.

Среди людей есть Стёпа? Вася прищурилась сильнее. Кто-то из людей отодвинулся, и в гуще тел мелькнули медные кудряшки.

И Вася пошла туда. Сама не отдавая себе отчета. Ноги несли ее, а голова отключилась.

Когда она почти подошла к группе, которая состояла в основном из местных, Стёпа ее заметил. Он перестал играть на гитаре, громко назвал ее имя и стал махать ей рукой.

Вася улыбнулась во весь рот, словно акула. Она и чувствовала себя рыбой.

– Привет, Вася! Ребята, это Вася! Guys, this is my young friend, Vasilisa... from Russia. She is singer.

– Hi, – сказала Вася. И помахала всем рукой.

Все улыбались ей и отбивали пять. Вася начала возвращаться в реальность вместе с ощущением неловкости.

Стёпа называл ей имена людей. Двое – парень и девушка – были из Германии. Приехали на медовый месяц. Один взрослый мужчина с бородой был из Америки.

Остальные – три девушки и пятеро мужчин – островитяне.

Имена она не запомнила.

После знакомства с Васей они вернулись к ритму, который у них был до этого, – начали громко говорить на каких-то лютых смесях английского и местного.

– Вася, давай споем им чего-нибудь?

Жар прилил к щекам.

– Ой. Я стесняюсь... Стёпа.

– Да перестань. Знаешь песни «Гражданской обороны»?

– Да. Знаю «Ходит дурачок по лесу». И еще про товарища Горбачёва.

– Офигеть. Откуда?

– Слава КПСС кавер делал. И я потом остальное послушала.

– Ну это же офигенно. Давай споем «Дурачка».

Вася пыталась понять, пьяный он или нет. Вроде нет. Веселый очень. Наверное, по концертам скучает.

Каково это, не ездить на концерты так долго? Он ведь мог, как другие, – кататься по нейтральным странам. Но он уехал сюда.

Стёпа начал петь «Дурачка». Все замолчали, расселись кругом.

Вася стала подпевать со второго куплета, сама не понимая почему. Наверное, потому, что, когда слушаешь Ходаева, не можешь не подпевать.

Он всегда пел так, словно ему очень больно, но, допев до конца, обязательно улыбался так беспечно, словно ничего плохого в мире не существовало. Вася заметила это и на концерте. И на записях концертов.

«Музыка – это противоречие. А в тебе противоречий нет», – сказал ей как-то Игорь, который казался теперь совершенно несущественным, практически несуществующим.

«Зато я эти парадоксы вижу, – думала Вася, – и для них живу».

Когда они допели до куплета, в котором были слова про окопы, у Васи из глаз брызнули слезы. Но она пела дальше, ровно и точно. В конце песни все захлопали и заулюлюкали, и Стёпа снова улыбнулся так, будто ничего блаженнее в его жизни не происходило никогда.

Потом он увидел у Васи на глазах слезы:

– Вася, ну ты чего?

Вася хотела сказать что-нибудь. Что-нибудь хорошее. Важное. Но что-то ворвалось в их тесный круг.

Девушка. Местная. Упала с визгом на Стёпу и повалила его на песок.

Вася забыла про слезы. Они высохли моментально.

– Вася, познакомься, это – Наби-Ката.

Наби-Ката – красивая девушкой с большими губами, яркими синими глазами и мощной фигурой, слегка прикрытой одеждой. Вася по сравнению с ней выглядела как зародыш.

Стёпа сказал ей что-то на ее языке. Наби-Ката практически бросилась к Васе, схватила ее за руки и начала тараторить что-то очень быстро.

Вася посмотрела ей в глаза, и ей стало как-то не по себе оттого, какая Наби-Ката радостная.

Словно она вылезла из «Фотограма» и сказала: «Привет, я – твоя полная противоположность».

– Она очень рада познакомиться и рада тому, что я теперь не буду так одинок, – сказал Стёпа.

– Здравствуйти, привизт! – сказала Наби-Ката.

– Я учу ее русскому, – сказал Стёпа.

Наби-Ката забралась к нему на колени и поцеловала в губы.

Стёпа снова начал играть на гитаре, и внезапно все островитяне запели в унисон. Кто-то начал стучать в барабаны, которые принес с собой специально для этого вечера.

Молодой парень-островитянин подсел ближе к Васе, но она от него отодвинулась.

Настроение было испорчено.

Стёпа, Наби-Ката и еще несколько человек проводили Васю до ее коттеджа – уговорили довести ее до дома, когда она тихонько встала с места, чтобы уйти.

Наби-Ката шла со Стёпой под руку и что-то мурлыкала ему на ухо. А он смотрел на нее словно одурманенный.

Взрослый американский дядька пытался разговаривать с Васей, она поддерживала разговор (насколько хватало ее английского). Его звали Стивен, на нем была рубашка от «Марк О’Поло». Какой-то американский миллионер.

Вася что-то отвечала ему, больше кивала, а не слушала.

Впечатление от него было в целом такое, словно ему в жизни чего-то не хватало, вот он и ездил на какие-то бешеные острова и тусовался с непонятными хиппи.

Когда они дошли до коттеджа, все стали с ней прощаться и целовать ее в щеки. Сильнее всех ее целовал молодой островитянин.

Наби-Ката потрогала ее волосы и что-то сказала.

– Красивые, говорит.

Вася подумала, что она издевается.

Стивен поцеловал ей руку. Стёпа сказал:

– Приходи завтра еще. Спокойной ночи!

Она зашла в хижину, а они пошли обратно, распевая какую-то этническую островную мелодию.

– Тише, мелкие уже спят, – громко сказал отец.

– Это кто там? – спросила мама.

- Да... ребята, которые тут отдыхают.
- Ты с ними ходила?
- Да так... немного. Хотя бы не так скучно.
- Ребята-то хоть хорошие?
- Да, вполне.

Мама пробежалась глазами по ее платью, которое сама же и подарила.

– Вась, ты уверена?

– Я уверена, мама. Я за себя полностью отвечаю. Разве я хоть раз дала повод усомниться во мне?

– Вот именно, Маш, – сказал отец, – Васька у нас умница. Все знает, все понимает. В ее возрасте нужно тусоваться с себе подобными. Я ей полностью доверяю. Она у нас совсем взрослая.

Вася посмотрела в зеркало. словно красивое взрослое платье напялили на ребенка. Плечи торчали острыми углами, серое лицо светилось в темноте. Будто призрак пытается надеть на себя вещи из материального мира. Вася думала, что, если загорит, эта серость пройдет. А она просто стала темнее.

Ее тело было похоже на тело палочника. Волосы, которые похвалила Наби-Ката, выглядели как нитки. Вася зажмурилась и отвернулась от зеркала.

Мама дала ей тарелку с печеной картошкой и мясом – такое на острове тоже можно было раздобыть за отдельную плату.

Еда на вкус была как бумага, а родители разговаривали словно соседи в квартире – слышно, но ничего не разобрать.

Вася мыла тарелку и вспоминала ярко-синие глаза Стёпиной подруги, ее густые темные волосы и белые-белые зубы. Она могла бы быть какой-нибудь актрисой.

Но она была веселой девушкой с острова, собирательницей кокосов и прочих прекрасных плодов.

Вася убрала тарелку в шкафчик, улыбнулась папе с мамой и сказала: «Спокойной ночи».

На следующий день Вася никуда не пошла. Сказала, что плохо себя чувствует.

– Ну вот! Я сказала, что надо надевать шляпу. Я такую красивую тебе купила, а ты не носишь.

Вася лежала на своей кроватке и переписывалась с друзьями. Когда стало совсем невыносимо обсуждать то, что всех волновало, Вася пошла на пляж рядом с домом. В новой шляпе. Решила почитать книгу. «Любовь во время чумы». Вечером сидела с братом и сестрой.

На следующий день пошла на берег.

Вася стала ходить на берег каждый вечер. Привыкла. Влилась в компанию. Запомнила даже самые сложные имена. Оказалось, когда растворяешься в большом скоплении людей, мысли притупляются, зато положительные чувства обнажаются.

Через какое-то время ребята стали заходить за ней и днем. Без Стёпы тяжело было общаться, но в какой-то момент обнаружилось, что понимать друг друга не обязательно. Вася поняла, что так даже и лучше – она не одна, но не обязана ничего изображать.

О чем еще можно мечтать?

Наби-Ката Васе нравилась – она была шумная, веселая и не торчала все время рядом со Стёпой. Она могла пойти купаться с другими или играть в пляжный волейбол. Главное – она была простая и добрая. Ко всем относилась хорошо, даже к Васе.

Но в животе у Васи все равно кололо, когда она видела, как Наби-Ката милуется со Стёпой. Эта колкость появлялась не специально, Вася отдала бы все на свете, лишь бы этого не ощущать. Но ощущала.

Бывало много случаев, когда Стёпа оставался с Васей наедине. Тогда у Васи в животе кололо по-другому.

Ниже и приятно. Она смотрела на него украдкой и слушала его голос. Он всегда говорил о чем-то отвлеченном, абстрактном, о своих мыслях. А потом спрашивал что-нибудь у нее.

– Вот ты, Вася, как считаешь: лучше, чтоб мы переродились после смерти или приобретали совсем другое бытие? Неподвластное нашему разумению?

– Другое.

– Да?

– Да.

– У меня был друг. Разбился в автокатастрофе. Он верил, что переродится в мышь. И я теперь смотрю иногда в зоомагазинах на мышей. Думаю: вдруг что-нибудь почувствую? Думаю, даже если бы он переродился в мышь, то, наверное, в уличную. Раньше мышей замечал на улице. Рядом с речкой. Видела когда-нибудь? Я всегда, когда видел мышей на улице, – останавливался. Как дурак. Вдруг подбежит ко мне? Ну и идиотизм. Извини ради бога, я не психопат, ты не бойся.

Стёпа рассказывал это легко. Он только пел с болью.

Вася знала, про кого идет речь. У Стёпы этому другу посвящен второй альбом, называется «Кротовые норы».

– Знаешь, что рассказал отцу сосед? Ну, раньше, когда мы еще жили... там. Что, когда у него – у соседа этого – умер брат, через какое-то время – неделю или около того – к его дому, к воротам, пришла собака. Белая такая, большая. Пушистая... Называется так странно...

– Типа... самоед?

– Да, точно. И она стала туда приходиться каждый день.

– Ну? И что дальше?

– Тебе интересно?

– Конечно, интересно! Это его брат?

– Да погоди! Один раз снится этому дяде Лёне сон – к нему приходит его брат и говорит: «Лёня, ты

почему меня домой не выпускаешь?» Он утром пошел и впустил пса.

– И что?

– Ну и ничего. Живет там теперь. Умный пес, красивый.

Стёпа смотрел на Васю поверх очков своими карими глазами, и у нее сладкий мороз побежал по коже. Выражение лица Стёпы было как у ребенка, которому только что рассказали про Деда Мороза. Вася даже хихикнула.

– А... Подожди, а как?.. Он теперь просто у них живет?

– Да.

– И их ничего не смущает?

– Ну, я не знаю, смущает или нет.

– И типа из миски его кормят: на, брат, поешь сухой корм. Или что?

– Ну да.

– Блин, капе-е-ец. Надо что-то с этим сделать. Рассказ написать!

– Кому?

– Тебе.

– Я разве писатель?

– А-а-а, точно. Ты же певица.

– Ой, да перестань.

Она закусывала нижнюю губу и вообще вела себя просто по-свински, но, когда он на нее смотрел, ей хотелось извиваться как змея, как это было глупо!

Перед сном она думала, как он пахнет медом, как она иногда нечаянно касается его кожи. И по вѣнкам бегут в живот, в сердце и в мозг электрические заряды.

Ночью начал сниться Стёпа. Как будто он входит в ее комнату, в Москве. Он трогает ее лицо, и она словно плавится и говорит ему: «Ну а как же твоя девушка?» А Стёпа во сне говорит: «Мы развелись, и она с детьми уеха-

ла в Америку к Стивену нянчить гусей и котов. Вася, дай я поцелую тебя».

Иногда целовал, а иногда и еще что-нибудь.

Вася просыпалась вся красная, с прилипшей ко лбу челкой.

Потом себя ненавидела.

Ну это же сны, кто их может контролировать? Правильно, никто. Это подсознание. Бешеное. Ночью никто не может его сдержать, вот оно и вырывается.

Васе даже Игорь никогда не снился. Ни разу.

Один раз Вася пришла на пляж, а Стёпа сидел один. Даже без гитары.

– Я помешала?

– Нет, что ты. Садись.

И сидели молча. Она касалась мизинцем его ладони. Так хотелось наклониться ближе, но Вася контролировала себя лучше всех на свете. Всегда.

Хоть ей и казалось, что все кругом могут залезть ей в голову, прочесть ее мысли и выбросить после этого в море к медузам, но не безобидным морским шапочкам, а к медузам-убийцам, которые пустят по ее венам такой ток, что уже никогда ей ничего больше не приснится.

– Вася, хочешь песню послушать?

– У тебя же гитары нет.

– Да не важно.

И молчит.

– Хочу, – спустя время сказала Вася.

– Ура!

Стёпа иногда был как ребенок маленький.

Повернулся и положил Васе голову на колени. От такого Вася чуть не потеряла самообладание. Каждую ее клеточку словно ударили молнии, но Вася застыла, словно изваяние, боясь пошевелиться. Мягкие Стёпины волосы

касались ее худых детских ляжек, и ее бросило в дрожь, как бы она ни старалась контролировать себя.

– Так же неудобно, – прокряхтела Вася.

Стёпа ее даже не услышал.

Собака – это друг человека или враг

Когда зовет мертвых когда рвет зубами флаг

Человек – это друг человека или слабость

Когда ловишь звезду то не кричишь: попалась

Когда звезды видят все твои кости

Они собаки в этот миг или что-то не срослось

Я был прав или нет но уже без разницы

Это звезды говорят или с неба катятся

Да тебе повезло больше никаких мучений

Но какое мне достанется из подземных течений

Тебе повезло твой пес – это брат

Мне повезло или нет уже ничего не ясно

Кто-то берет у Бога тело напрокат

А кто-то со звездами пускается в танцы...

– Это чье? – спросила Вася. Она знала, что это его. Это ясно всегда как день.

– Я написал. Сыро пока, конечно, но я вот только что... Даже не записал никуда. Сильно плохо?

Он поднялся и посмотрел ей в лицо. Васю бросило в жар.

– Нет. Это здорово.

– Не получается ничего. Пока тут живу, ничего не идет. У него появилась морщинка между рыжими бровями.

Вася решилась все-таки на вопрос. Задала его осторожно, как будто между прочим.

– Ты, оказывается, сам песни пишешь?

– Я? Немного. Так, фигня видишь, какая получается.

Когда начало вечереть, они пошли гулять по пляжу.

– Сколько Наби-Ката лет?

– Трудно определить, да? Ей тридцать два.

Вася ужаснулась. На пятнадцать лет старше Васи!

Она шла молча и ненавидела себя за то, что спросила.

Теперь чувствовать себя червем весь оставшийся вечер.

– Я вообще понял, что невозможно возраст определить на самом деле. Все такие разные.

– А ты ее потом... с собой повезешь? Или как...

Стёпа остановился и как будто задумался.

– Знаешь... Я думаю, может, вообще тут останусь. На-всегда.

Действительно. Куда ему теперь возвращаться. Когда?

Но Вася чувствовала себя так, словно ее впечатали в песок огромным ботинком.

– Ну, рано об этом думать в любом случае.

– Ты на ней женишься?

Вася старалась звучать непосредственно.

– Да. Когда-нибудь обязательно. Только там столько запары с этими всеми их приколами. Ну, традициями.

– Вот попал.

– Да уж. Влюбился на свою голову.

По Васе прошла волна ревности. Теперь она ее явно ощутила. Она испугалась, что это видно по ее лицу, но слова сыпались и стирали ее социофобию, словно ластик.

– А как же языковой барьер?

– Ну, мы потихоньку учим языки.

– А сейчас она где?

Васе казалось, что она звучит как разгневанная фурия, и она не понимала, хочет она так звучать или нет. С одной стороны – страх, с другой – дикое желание все ему испортить.

Но, похоже, звучала она для Стёпы примерно как ее младшие брат и сестра звучали для нее.

– С семьей зависает. У нее столько родственников, с ума сойти можно. Дяди, тети, куча бабушек каких-то. У них по-другому все тут.

– Думаешь, привыкнешь?

– Привыкну... Куда деваться? Меня ничего не ждет и не держит.

– А музыка?

– Музыка?

На мгновение Вася подумала, что он догадается, что она в курсе. Но он не догадался.

– Музыка и тут есть.

– Я не знаю. Ну, в смысле да, есть.

– А ты сильно музыку любишь?

– Да.

– Я, когда мне семнадцать было, тоже только музыку любил. Только одна музыка все время. Ничего мне было не нужно, ничего не интересовало, только синтезатор и гитара. Папка ругался, что из дома не выхожу. Без толку. Он тогда предложил мне группу собрать. У него в юности тоже была группа.

– И как, собрали?

– Да. В школе играли.

– А потом что?

– Ничего. Оказалось, что кроме музыки существует все остальное.

Какой враль.

– А кем ты работаешь?

– Я для рэперов пишу биты.

Ну, хоть наполовину правда.

– Слышала, может? У Каспи Йан? И у «Бэби киллера»?

– Ого. Да ты знаменитость.

– Да ну, не особо. Так, перебиваюсь.

– Ну, неплохо перебиваешься, раз оказался тут.

Он не ответил. Когда Стёпа не хотел отвечать, делал вид, что не слышит. Васе не хотелось заставлять его раскрываться. Она чувствовала себя от этого глупо.

Море было спокойным сегодня и словно заискивало перед берегом, кидало на него легкие свои волны. Не бушевало, ничего не исторгало из себя, не завлекало, не ругалось.

– Будет прилив, – сказал Стёпа. – Васька, приходи завтра сюда пораньше, часов в десять утра. Я тебе покажу кое-что.

Васе стыдные мысли полезли в голову, но никто в мире не догадался бы об этом.

Утром она шла по пляжу в купальнике и накидке. Мама заставила надеть шляпу. Море стало ближе и темнее.

За ночь набросало на пляж ракушек. Вася увидела вдалеке Стёпу. Сняла с себя накидку и побежала в воду. Когда она уже зашла в прозрачную воду по грудь, услышала, что Стёпа что-то кричит. Она обернулась. Он бежал к ней. Вася подумала, что он хочет вместе с ней искупаться, и по телу словно разлился теплый наэлектризованный мед.

Стёпа забежал в воду и закричал:

– Вася, выйди, там медузы!

Вася опустила глаза и увидела несколько маленьких розово-персиковых грибочков неподалеку. Из них торчали щупальца. Вася заверещала и выбежала из воды.

– Не ужалили?

– Нет...

– Ребята сегодня в деревне делали объявление, чтоб в воду никто не заходил с этого берега. Колонию жалящих медуз пригнало приливом.

Васю рассердило, что все получалось как-то глупо и противно. Стёпа не смотрел на ее купальник, он смотрел в море и улыбался как дурачок.

– Это ночесветки!

Васе показалось, что она ослышалась.

– Что?

– Пелагия ночесветка – медуза так называется.

Вася смотрела на него.

– Красивые животные. Ночью особенно. Вот дождем-ся вечера – и море все будет светиться, красота такая! Со-беремся все вместе и посмотрим.

Вдруг он как будто внезапно вернулся в реальность. Сказал Васе:

– Пойдем, я же тебе показать обещал.

И они пошли. Пришли в поселок. Вася думала, что в нем живут только местные.

Они подошли к небольшой хижине. Стёпин дом. Рядом с ним стояло огромное толстое дерево, на котором возвышался маленький кривой шалаш. С дерева свисала веревочная лестница.

– Сам построил! – сказал Стёпа гордо, как третьеклассник. Наверное, с детства мечтал о доме на дереве.

Васе такой купили, и летом она сидела там одна и читала книжки. Потом домик перешел к ее брату и сестре. А у нее осталась только почти пустая комната с белыми гладкими стенами. Вася хотела бы их покрасить, но почему-то никому не сказала об этом. Может, надо было сказать?

– А в шалаш потом можно забраться?

– Да можно, можно. Сначала покажу тебе кое-что.

Они зашли в хижину. Стёпа достал из сундука со льдом две крем-соды, дал одну Васе. Это его любимая газировка.

– Вот эта какая-то японская. Больше на мороженое похожа, – сказал Стёпа.

– Где взял?

– С собой притащил.

- Ужас какой. А пиво ты не пьешь?
- Нет, у меня аллергия. А ты что, пьешь, что ли?
- Да. Мы с парнем моим пьем. Ему двадцать пять лет.

Так что он мне покупает.

У Стёпы глаза чуть из орбит не вылезли.

- Сколько?
- Двадцать пять.
- Тебе же еще семнадцать!
- Ну и что. Я не маленькая.

Чем больше она говорила, тем сильнее чувствовала себя мелкой и тупой. Да еще и как будто она читает текст в русском сериале и никто ее не останавливает, потому что всем наплевать на этот сериал.

- Какие еще двадцать пять?.. Он что, с ума сошел?!
- Он тоже музыкант. Мы группу хотели собрать...

Ну, до всего этого.

– Вася, блин... Слушай... не мое дело, конечно, но по-моему... Это не очень с его стороны... Я его не знаю, конечно, но так нельзя.

Медные кудряшки касались темных плеч. Стёпа был высокий и большой. С мускулами и прессом, но только не с такими, как в фильмах, словно вырезанными из пластика и похожими на Чужого, а сглаженными и мягкими. Накачанную грудь прикрывала красная маечка, а бедра у Стёпы были огромные, в обхвате как Васина талия.

Нельзя на него пялиться, но остановиться уже невозможно.

- Я с ним рассталась.
- Да?.. Ну, вот и отлично. И нечего. Ты встречайся с мальчиками своего возраста.
- Стёпа, ну что ты как отец мой зудишь? Я разве глупая? Думаешь, сама не разберусь?

Стёпа смутился. У него снова между бровями появилась морщинка. Может, ревнует?

– Все думают, что сами разберутся, а потом происходит всякое.

– Какое?

– Плохое.

Вася решила перевести разговор, потому что Стёпа помрачнел и впал в раздумье.

– Ты же показать что-то хотел?

– А, точно.

Он достал откуда-то две большие коробки.

– Вот, все что сумел увезти.

Внутри были пластинки.

Вася и Стёпа сели на пол перед ними. Вася поднимала какую-нибудь пластинку, а Стёпа рассказывал, где ее купил. Многие пластинки были подписаны, многие оказывались особенными, коллекционными.

Вася любовно трогала их, вертела в руках.

– У тебя есть на чем проигрывать?

– Конечно есть.

Он взял пластинку The Stooges, подписанную Игги Попом, и поставил в маленький бордовый проигрыватель.

– Это моего папки, – сказал Стёпа, чуть хлопнув по крышечке.

– Где сейчас твоя семья?

– В Америке.

Вася поняла, что он не хочет больше ничего говорить. Они сидели на полу и слушали, как поет Игги. Песню за песней. Миллионы миллиардов лет.

Вася вспомнила о том, как быстро всегда пролетают концерты. Два часа исчезают вмиг. И ноги не болят, и ничего не беспокоит. словно вываливаешься из бытия наконец-то.

Зато помнишь это потом очень ярко.

И со Стёпой время бежало так же. Он был настолько же ярким, будто все остальное до этого было просто размазанная ерунда. И только Стёпа был важен. То есть

он был важен и раньше, конечно. Но теперь он еще и сидел с ней рядом и слушал пластинку.

Вася поцеловала его в щеку. Сделала это мгновенно, не думая.

Он отскочил как ошпаренный.

– Ты чего?

– Ничего. Захотелось просто.

– Так. Что-то я ничего не пойму.

– Стёпа, я знаю. Про тебя. Я группу твою знаю. Я была на концерте. У меня билет был со встречей. И ты мне подписал диск... Бред какой-то... Я не знаю...

Стёпа потупил взгляд.

Они сидели так и молчали.

– Это... это моя любимая группа. Ты – мой любимый музыкант.

– Ты же говорила, что твоя любимая группа – это Weezer.

– Я не хотела тебя смущать. Ты ничего не говорил.

– ... Нет у нас больше группы.

– Как?..

– А вот так.

Стёпа сел на кровать.

– Скажи, почему?

– Ребята не сошлись со мной. Во мнении.

– Может, они передумают еще.

– Я не хочу говорить про группу.

Они молчали. Пластинку в проигрывателе заело, но Стёпа не убирал ее, и это сделала Вася.

– Стёпа, я тебе столько хотела сказать...

– Слушай, Вась. Давай потом, а? Давай вечером.

– Но мне нужно сейчас.

– Я что, тихо говорю?

Говорил он действительно тихо, зато посмотрел так, что стало ясно вообще все, и даже больше.

Вася вышла из домика и потопала на пляж. Поплакала немного, но потом перестала. И перестала думать.

За обедом родители болтали какую-то чушь, брат с сестрой бесились. Вася чувствовала к ним лютую ненависть, которая если раньше и накатывала, то вызывала вину. Сейчас ничего ее не вызывало.

– А у тебя как дела, Васька? – спросил отец, и голос его звучал словно через слой песка и воды, и Вася жалела, что она не труп на дне морском, который глодают рыбы, отщипывая по кусочку.

– Как мои дела?

– Ну.

– Хм-м... я не знаю даже. Чтобы объяснить, придется очень долго рассказывать. Придется пересказывать все, что со мной случилось за лет восемь.

Они не слушали. Отец уже смеялся с сестренкой.

– Вот, например, я рассталась с Игорем.

– А? – сказала мама.

– Я рассталась с Игорем.

– Какой еще Игорь? – спросил отец.

– Вы поссорились?

– Нет, мне стало за себя грустно, что я отдаю душу и тело непонятно кому. Когда я еще молода и прекрасна.

Родители замолчали. Только мелкие продолжали беситься.

– Так, – сказал отец, – Маша, отведи-ка ребят погулять.

– Но это же...

– Я что сказал?

И мама ушла. Вася усмехнулась.

– Давай по порядку. Какой еще Игорь?

– Мама знает, какой. Да и пошутила я. Ничего я ему не отдавала. Мы дружили просто. Группу хотели собрать. Вот и все. Шутка.

– С тобой что творится, Василиса?

– А что со мной творится?

– Это не смешно. Давай-ка без глупостей. Тебе рано еще с парнями встречаться. У вас еще молоко на губах не обсохло.

– Ну, у него-то, наверное, обсохло. Ему двадцать пять лет. Взрослый мальчик уже, живет отдельно.

– Я впервые о нем слышу!

– Я все время про него говорила. Мама про него помнит, спроси у нее. Просто тебе по фигу.

– Вася, еще будешь в таком тоне разговаривать...

– Это все какие-то общие слова. Мы как будто говорим из разных вселенных. Непонятными звуками.

– Вы посмотрите, какая философская дива! У своего парня научилась?

– Да не парень он мне. Говорю же. Друг мой, на гитаре играет.

– С тобой что происходит, Василиса? Я тебя как воспитывал? Ты себя как ведешь с родителями? Не стыдно?

– Я себя никак с вами не веду. Но, видимо, и этого недостаточно.

– Я не пойму, как с тобой общаться. Так что и не собираюсь. Разговаривай с мамой. А захочешь свое поведение обсудить, подойдешь ко мне. Больше я не хочу ничего от тебя слышать, достаточно.

– Ты и так не услышишь.

Отец встал и вышел.

Вася легла на свою маленькую кровать и беззвучно заплакала в подушку. Она плакала молча. Пока не уснула. И проснулась только к вечеру. Никого не было дома. Как обычно.

Можно было, в принципе, взять денег и поехать обратно в Москву самой, никто бы и не заметил.

Силенок не хватит.

Чувствовала она себя погано, словно ее пережевала и выплюнула огромная слюнявая собака. Вася пошла в душ и стояла под ним час.

Потом напялила на вспотевшее мигом тело первое попавшееся платье и пошла на пляж. Но не к Стёпе и его компании. Не к семье, которая тоже собиралась идти смотреть на медуз.

Она пошла на дикий пляж, полный веток и осколков ракушек.

Там была парочка небольших компаний по три-четыре человека. Все местные.

Вася прошла мимо них так, чтобы оказаться в отдалении и не чувствовать, что существует еще кто-то.

Вода светилась, словно в нее просыпали блески. Свет тянулся до линии горизонта, больших волн не было, так что светящаяся масса просто мирно покачивалась.

Медуз пригнало сюда, и теперь они качались перед взорами, как фонари, а люди любовались ими.

Если бы людей не существовало, некому было бы этим любоваться. Только Богу, наверное. Может, он хотел, чтобы кто-то мог с ним это разделить.

Вася подумала о том, что она так и не посмотрела шалаш, который построил Стёпа. И, видимо, уже не посмотрит.

Правда была такова: Стёпа – вокалист ее любимой группы, Стёпе много лет, Стёпа потерял все. Обе свои страны и свою группу. Стёпе не нравятся сопливые малолетки, лучше уж взрослые женщины, с которыми даже поговорить нормально невозможно. И оба они со Стёпой на этом дурацком острове, запертые в раю, а где-то далеко все уродливое, но привычное стирается, как пыль с полки, и никуда от этого больше не убежать никогда, и ничего правильно невозможно сделать.

И все это какой-то идиотизм. Насколько сначала события казались наполненными тайным смыслом, настолько же сильно сейчас все ощущалось случайным, пошлым.

Вася чувствовала себя невыносимой, но она умела терпеть, так что она терпела вообще все, как Атлант с небом на плечах. Только она была не мученица, а жалкая маленькая миллионерша, перо baby с сопливыми проблемами, малюсенькая точка по сравнению с жизнью.

Море шумело в этот раз бархатом, мурчало об песок, медуз приносило почти к берегу, но не выбрасывало. Они качались и не знали, что стоит морю решить бросить их посильнее – и все они погибнут и не будут светиться больше.

Вася никогда не видела ничего прекраснее. Пока что. Словно кометы повалились в темную воду, но не погибли. Горят.

Вот бы в эту воду упасть. Вот бы упасть туда с разбега и тоже стать электричеством.